

Владимир Порус*

О духах Русской революции: от Николая Бердяева до наших дней**

Обстоятельства октябрьского переворота в России, случившегося сто лет назад, исследованы подробно. Иногда, больше по инерции, некоторые из этих обстоятельств еще называют «загадочными», но большинство таких загадок уже разгадано благодаря раскрытию секретных архивов и реконструктивной работе историков. Наряду с псевдоисторической литературой, обильно произрастающей на почве тотальной пропаганды в советское время, существуют исследования, в которых хронология события составлена едва ли не по минутам. Есть и такие работы, в которых оно предстает как уникальное стечение случайностей и необходимостей, дающее пищу «большим нарративам», зависящих от политических, идеологических и исторических убеждений их авторов.

Но в целом, это – поле идеологически ангажированных споров. Конфликт полярных оценок («Октябрь – эпохальное событие, давшее положительный импульс всему последующему мировому процессу», «Октябрь – авантюра, обернувшаяся вековой трагедией России и мира») не погашен и в наше время. Напротив, он подогревается ростом социальных и политических противоречий, в чем-то сходных с теми, которые раздирали Россию сто лет назад.

Хотя, повторю, фактологическая канва Октября достаточно известна, остается по-прежнему острым вопрос «Как это могло произойти?». Вообще говоря, захват власти радикалами – не уникальное происшествие. Можно более-менее убедительно объяснять, почему именно в России такой захват оказался относительно успешным и привел к семидесятилетнему правлению коммунистов. Но грандиозный перелом в российской истории, по-видимому, должен был иметь глубинные основания, которые принято называть «кризисом» духа или какими-то близкими по пафосному смыслу словами.

* Доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

** Письменная версия доклада, прочитанного в рамках конференции «Россия сто лет после революции: причины и последствия», организованной Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ (апрель 2017). Статья подготовлена при поддержке РФФИ (Российского фонда фундаментальных исследований), грант № 17-03-00185 «Отечественная литература в культуре современной России: философский анализ».

Современники переворота отнеслись к нему по-разному. Кое-кто узрел в Октябре «утреннюю зарю мира», начало новой эры истории человечества. Идеологам новой власти потребовались десятилетия, чтобы представить это событие закономерным итогом «тектонического сдвига» в народном сознании, а сам «сдвиг» приписать работе коммунистов, овладевших «единственно верным» учением об историческом прогрессе и направивших энергию масс на его осуществление и ускорение. К десятилетию переворота В. Маяковский написал поэму «Хорошо», названную А.В. Луначарским «Октябрьской революцией, отлитой в бронзе». Страна, в которой совершилась эта революция, ставшая к тому времени уже «великой» и «социалистической», названа поэтом «весной человечества»:

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!¹

Но это новое отечество уже не было Россией. Так считало большинство из тех, кто эмигрировал после переворота, да и многие из тех, кто остались в стране, приняв ее судьбу и подчинившись ей. Новая «страна-подросток» на месте прежней России – а значит, новый «народный дух», новая национальная идентичность, новые ценности и новое мировоззрение. И эта умопомрачительная новизна – в кратчайший срок, буквально в считанные мгновения по меркам исторического времени. В.В. Розанов в 1917 г. с горестным изумлением писал: «Всю жизнь крестились, богомолились: вдруг смерть – и мы сбросили крест. [...] Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно "в баню сходили и окатились новой водой". Это совершенно точно, это действительность, а не дикий кошмар»². Подобную растерянность ощущали многие. Действительно, казалось, невозможно было найти «рациональное», т.е. привычное для тогдашних российских интеллектуалов объяснение происходящему. Поэтому понятны их попытки найти причины «внезапного» развала российской духовности, без которых действительность представляла «диким кошмаром», нагромождением хаотических событий, не имевших под собой внятных оснований.

¹ Петь поэту тогда оставалось недолго. В 1930 году его жизнь оборвалась. По официальной версии – самоубийством. Многие считают, что оно было инсценировано убийцами. «Горлану следовало заткнуть горло, да не так, как это делал он сам, а так, чтобы ни писк, ни хрип не разомкнул уста. И заткнули» (Кантор К.М. Тринадцатый апостол. М., 2008. С. 336).

² Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени // он же. Мимолетное. М., 1994. С. 416.

Была ли русская революция следствием некоей особой «болезни русского духа»? У болезни, как телесной, так и духовной, есть причины. Они могут корениться в самом страдающем организме. Могут привноситься в него извне, как бывает, когда падает иммунитет и происходит заражение. Нужен диагноз. Но у современников переворота его не было. Вернее, диагнозов было множество, но они противоречили друг другу.

А. Блок в 1918 году заявил, что революция приходит как неизбежное очищение от скверны. Нужно, писал он, «устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью. Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, – это называется революцией»³. Нечего заламывать руки и кричать о развале старой духовности. Она заслужила свой конец.

Слова Блока обращались к интеллигенции. Трудно сказать, чего в них больше, искреннего убеждения в необходимости очищающего страдания, открывающего путь к светлой и прекрасной жизни, или желания убедить в этом самого себя, заговорить страх перед хаосом, несомым революционным вихрем. «Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но – это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда – о великом»⁴.

Этого-то величия значительная часть интеллигенции не признавала или не хотела признать. Напротив, в перевороте и его последствиях видели торжество хамства, дикости, опошление идеалов, падение культуры, нравственности. И.А. Бунин писал: «Мы не с октября, а с самого марта семнадцатого года пребываем в этом мраке, этом дурмане, дурмане злом, диком и, как всякий дурман, прежде всего переполненном нелепостями, на этот раз нелепостями чудовищными. И дурман этот еще длится, и человек, более или менее не поддавшийся ему, поминутно с ужасом и с изумлением протирает глаза. Кровь продолжает течь реками, – нелепейшая в мировой истории»⁵. «Каин России, с радостно-безумным остервенением бросивший за тридцать сребреников всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью»⁶.

Кто виноват? Этот вопрос волновал тогда не меньше, чем военные, политические и экономические катаклизмы. Многим русским интеллигентам казалось,

³ Блок А.А. Интеллигенция и революция // он же. Собрание сочинений в 8-ми тт. Т. 6. М.-Л., С. 9-20, здесь с. 12.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Бунин И.А. Из «Великого дурмана» // он же. Полное собрание сочинений в 13 тт. Т. 8. М., 2006. С. 318.

⁶ Он же. Окаянные дни // он же. Полное собрание сочинений в 13 тт. Т. 6. М., 2006. С. 377.

что ответ на поверхности. Если носителем духовного начала в России является русская культура, значит, ее деятели и создатели несут ответственность за происходящее. В России художественная литература – так сложилась культурная история – была средой, не только выражавшей, но и формировавшей духовные основания жизни. Лев Шестов имел право сказать: «в литературе есть дело, есть страшная борьба, более опасная и кровавая, чем борьба политическая и общественная»⁷. Но услышать в этих словах (сказанных в 1905 г.) не метафору, а предупреждение, признать, что «страшная борьба» в литературе может обернуться реками крови в стране, где большинство населения было безграмотным, было даже труднее, чем осознать масштаб накатывавшихся на Россию революционных волн.

Н.А. Бердяев «вывел» причины русской революции из трагических заблуждений интеллигенции, присвоившей себе право называть себя «духовным водителем» народа. Об этом его статья из сборника *Вехи* (1909)⁸ и ряд других, примыкающих к ней по содержанию, публицистических выступлений этого периода⁹.

Осмысливая итоги «генеральной репетиции Октября» (так большевики называли события 1905 г.), авторы *Вех* осудили русскую интеллигенцию, выступившую, по их мнению, подстрекателем к революционному насилию, вместо того, чтобы стать воспитателем народных масс. Осуждение имело морально-спекулятивный характер и, отчасти, было приглашением к трудной, но все еще открытой дискуссии об отношениях интеллигенции и народа¹⁰. Еще принима-

⁷ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности // он же. Сочинения в двух томах. Т. 2. Томск, 1996. С. 178.

⁸ Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. СПб., 1909.

⁹ «Бюрократия калечила народную жизнь, а интеллигенция калечила народную мысль» (Бердяев Н.А. Больная Россия // он же. Духовный кризис интеллигенции: статьи по общественной и религиозной психологии (1907-9 гг.). СПб, 1910. С. 91).

¹⁰ Оба эти понятия были тогда и остаются сегодня расплывчатыми. Известны высказывания Г.П. Федотова об «идейности» и «беспочвенности» интеллигенции – общественной группы, подменяющей реальную связь с бытом, национальной культурой, государством, исторически и культурно обусловленными социальными и духовными институтами абстрактной системой идей, почитаемых за истины и догматически проповедуемых как идеалы, которым следует подчинить жизнь. Но «едва почувствовав себя хозяином жизни, народ принялся яростно истреблять интеллигенцию, наплевал на свободу и демократию, которые были ему предложены, и успокоился только в новом, едва ли не тяжелейшем рабстве» (Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // он же. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 1. СПб, 1991. С. 99). Эти трагические «недоразумения» привели к тому, что в 1917 году «народ» оказался «максимально беспочвенным» и «максимально безыдейным» (чем и объясняются жестокие эксцессы гражданской войны), а интеллигенция постепенно стала обретать свою почву в новом «мещанстве». Но что такое «народ» в этом контексте? По сути, речь шла о преобладающем в дореволюционной России крестьянстве со всеми присущими этому

лись в расчет призывы к «интеллектуальной совести» (П.И. Новгородцев), советы относительно того, какую философию следует избрать интеллигентам как теоретическую основу своей деятельности (Н.А. Бердяев). Авторы *Vex* еще надеялись, что связь «народа» и «интеллигенции» может стать органичной, если последняя осознает свои ошибки и обретет, наконец, «почву». Тогда исторический процесс в России вошел бы в колею эволюции, избегая революционных катаклизмов.

Упрек Бердяева – в том, что интеллигенция сделала плохой выбор: поиску и защите истины она предпочла так называемое «служение народу». «Народная правда» и «истина» могут не только не совпадать, но даже быть в конфликте. И выбор между ними российская интеллигенция осуществляет из «долга перед народом». Интеллигентский дискурс, насыщенный моральными сентенциями, способен заводить себя до истерического фанатизма. Тогда его рациональная критика попросту невозможна. Когда политическая ситуация обостряется до крайности, возбужденные «слуги народа» обязаны возглавить борьбу за «уравнительную справедливость».

А это означало, что можно и нужно, когда того требует «целесообразность», жертвовать истиной. Так выходит подмена: свойственное природе интеллектуала служение истине уступает место «народопоклонству», «атеистической религии». Если социальную справедливость можно и нужно завоевать революционным (насилованным) путем, а это именно так и представлялось многим представителям русской интеллигенции, то от «народопоклонства» – прямой путь к поклонению «кумиру революции».

С.Л. Франк, пять лет спустя, уже в изгнании, писал, что поклонение этому кумиру обошлось русскому народу слишком дорого, прежде чем вера в него угасла. «Кумир, которому поклонялись многие поколения, которого считали живым богом-спасителем, которому приносились бесчисленные человеческие жертвы, – этот кумир, которому сейчас тупые фанатики или бессовестные лицемеры вынуждают еще поклоняться, во имя которого расстреливают людей, калечат русскую жизнь, издеваются над истинной религией, – именно в силу этого потерял свою власть над душами, изблещен как мертвый истукан»¹¹.

Философ ошибался. «Кумир революции» не был мертвым истуканом тогда, когда были написаны эти слова. Не стал и позже. Вера в него не угасла. И дело не в лицемерии или фанатизме. Поклонение кумирам революции, политики и отвлеченных нравственных идей корнями уходит в почву культурной истории. В почве – тайна: когда и как была разорвана связь «правды-истины» и «правды-справедливости». Этот разрыв – причина трагедии интеллигенции и народа. Но как его устранить?

классу нормами и идеалами общественной жизни. Ни рабочие, ни интеллигенция, ни буржуазия в понятие «народ» не включались, что делало этот термин лишь идеологически ангажированным символом.

¹¹ Франк С.Л. Крушение кумиров. Берлин, 1924. С. 21.

В 1909 году Бердяев не давал конкретных, практических советов. Он обращался к интеллигенции с пафосными увещаниями. Ей нужно пройти «очистительный огонь», чтобы изменить свое сознание. Этот огонь – «философия свободы». В ней – синтез знания и веры, предохраняющий от снобистского презрения к «народной правде» и в то же время – от фанатического поклонения ей. Интеллигенции следует отказаться от двух фетишей, которыми захвачено ее отношение к действительности: от «народопоклонства», с одной стороны, и от «культы мертвой, отвлеченной истины», с другой. Очищенное сознание интеллигенции должно руководствоваться идеей свободы личности – того, что составляет основу культуры, дает перспективу ее «желанного и радостного возрождения»¹².

Что стояло за этой цветистой риторикой? Конечно, призывы сочетать «аполлоническое начало философии» с «дионисическим началом мистики», что якобы вело к «положительной религии»¹³, никак не могли сойти за программу выхода из идейного тупика. Невнятица говорила о растерянности, охватившей русскую интеллигенцию, обескураженную ходом и итогами революции 1905-06 гг. Смутные рецепты «освобождения от внутреннего рабства» вряд ли годились для ее преодоления.

Тем более, ими уже невозможно было воодушевить тех, кому они предназначались, после того, как «страшная катастрофа», как назвал Бердяев события октября 1917 г., уже случилась. Теперь речь уже шла не о духовных лабиринтах, в каких продолжала блуждать интеллигенция, но о трагической судьбе России. К тому же, интеллигенция раскололась на непримиримые группы и идейные направления, и этот раскол предвещал смертельную схватку между ними. Надежды на мирную эволюцию сознания «носителей культурного начала» уже не было.

Явилась ли катастрофа результатом рокового стечения обстоятельств, случайностью, какой могло и не быть? Или же она была подготовлена предшествующей историей – не той, которая складывается из череды экономических, политических и военных событий и каузальных связей между ними, а историей национального духа? Бердяев шел ко второму ответу. Трагедия обрушилась на Россию не случайно, ее вызвали разрушительные силы, порожденные болезнями духа. «Революции, происходящие на поверхности жизни, ничего существенного никогда не меняют и не открывают, они лишь обнаруживают болезни, таившиеся внутри народного организма, по-новому переставляют все те же элементы и являют старые образы в новых одеяниях»¹⁴. Вот эти-то болезни подобны бесам, вселившимся в русскую народную душу и подчинившим ее себе. И если революция есть событие, толкнувшее Россию в «темную бездну», то искать причины падения следует не во внешних обстоятельствах, а в действии этих бесов, ставших

¹² Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: из глубины. М., 1991. С. 29, 30.

¹³ Там же. С. 29.

¹⁴ Бердяев. Духи русской революции. С. 251.

«духами русской революции». Для этого нужно проникнуть в глубину национального самосознания.

Но эта глубина видна не сама по себе. Она нашла выражение в творчестве великих – Гоголя, Достоевского и Толстого. В нем – образы национальной жизни, дающие разгадки «бедствий и несчастий, которые революция принесла нашей родине»¹⁵. Среди этих образов – духи или бесы революции. «Много есть русских бесов, которые раскрывались русским писателям или владели ими, – бес лжи и подмены, бес равенства, бес бесчестья, бес отрицания, бес непротivления и многие, многие другие. Все это – нигилистические бесы, давно уже терзающие Россию»¹⁶.

Миллионы неграмотных русских крестьян, ставших хворостом для костра революции, конечно, не читали ни поэму Гоголя, ни романов Толстого и Достоевского. Их читала и переживала русская интеллигенция. Входя в *theatrum anatomicum* национального духа, куда ее приглашала русская литературная классика, она заражалась «духами революции». Так чумные бактерии проникают в людей, соприкоснувшихся с больными. Эпидемия охватила леворадикальное крыло интеллигенции, деятельность которого и стала причиной смертельной болезни российского общественного организма, «превратила Россию в бездыханный труп»¹⁷.

Левые радикалы – не вся русская интеллигенция. «Отождествление русской интеллигенции в целом с ее леворадикальным крылом, и в самом деле терроризировавшим общественное мнение и задававшим тон в обществе, было все же не совсем правомерно и вело к недоразумениям»¹⁸. Разумеется, это понимали и веховцы. Но логика политической борьбы вела их к рискованным обобщениям. Они даже были готовы отречься от чести именоваться «интеллигентами», уж если этому слову придавалось значение, сближавшее его с «идолопоклонством», «фанатизмом», «самообожением», «беспочвенностью» и «отщепенством».

Надо заметить, что и критики левого радикализма не обладали достаточным иммунитетом от «бесовства». Бердяев часто подчеркивал свой консерватизм, критикуя тех, кто подрывал государственные устои России, сеял сомнение в исторической миссии русского народа, отрицал великий смысл русской истории. Но его собственные мировоззренческие убеждения были пропитаны духом бунтарства и отрицания онтологического смысла у «объективированных», как он выражался, форм человеческого бытия. «Учение Бердяева о свободе – это и есть "мистический революционаризм"» – подчеркивает П.П. Гайденок¹⁹. Чей «революционаризм» ближе к «бесовству», мистический или леворадикальный? Бердя-

¹⁵ Там же. С. 252.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 250.

¹⁸ Гайденок П.П. «Вехи» – неслышанное предостережение // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 107.

¹⁹ Там же. С. 121.

ему казалось, что от его гимнов свободе до политических боев, в которых подлинная свобода духа вытесняется ее суррогатами и обманками, слишком большая и потому безопасная дистанция. Во всяком случае, в тот момент, когда слово «революция» сошлось со словами «гибель страны», Бердяев занялся экзорцизмом русского самосознания, как оно выразилось в прозрениях русских литературных гениев.

Первый среди них – Гоголь. Творчество автора *Ревизора* и *Мертвых душ* Бердяев называет «художественным откровением зла как начала метафизического и внутреннего»²⁰. Оно – не сатира, бичующая «внешнее» зло, социальные язвы, порожденные крепостничеством и самодержавием. Это обнажение зла как темной, дьявольской стороны бытия, которая в России, да и не только в ней, заполнила собою все бытийное пространство, вытеснила и заменила собою бытие светлое, божественное.

Уродство гоголевских персонажей, их призрачного существования, застыло на облике России зловещей гримасой, внушая ужас и отчаяние. В стране с такой физиономией нельзя было жить, ненависть к ней становилась моральным долгом. Трагедия Гоголя в том, что, сосредоточив свое творчество на изображении зла, он не смог (хотя страстно желал этого) противопоставить ему позитивную подлинность. Поэтому художественный гений Гоголя, резонирует Бердяев, был несчастным даром, уничтожившим его обладателя и, в конечном счете, способствовавшим и уничтожению России.

Такая оценка не была новой. Еще в 1909, а затем в 1912 гг. В.В. Розанов называл смех Гоголя «диким безыдейным хохотом»²¹, напоенным «беспредельной злобой»²², которая, в конце концов, сожгла Россию. Силой своего гения Гоголь превратил Россию в страну «мертвых душ», «разлил тревогу, горечь и самокритику по всей Руси»²³, создал духовную атмосферу тоски, разочарования, безнадежности. «Он показал всю Россию бездоблестной – небытием. Показал с такой невероятной силой и яркостью, что зрители ослепли и на минуту перестали видеть действительность, перестали что-нибудь знать, перестали понимать, что ничего подобного "Мертвым душам", конечно, нет в живой жизни и в полноте живой жизни...»²⁴. Ослепление не миновало, оно глубоко проникло в мировоззрение русского интеллигента, вытеснив из него веру в будущее Руси, позволило бесам революции завладеть собою. И Розанов в ярости бросил: «Никогда более страшного человека... подобия человеческого... не приходило в нашу землю»²⁵.

²⁰ Бердяев. Духи русской революции. С. 253.

²¹ Розанов В.В. Гений формы (К 100-летию со дня рождения Гоголя) // он же. О писательстве и писателях. С. 352.

²² Он же. Опавшие листья // он же. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 273.

²³ Он же. Русь и Гоголь // он же. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 353.

²⁴ Он же. Гоголевские дни в Москве // он же. Среди художников. М., 1994. С. 297.

²⁵ Он же. Опавшие листья. С. 211.

К похожему выводу пришел и Лев Шестов, назвав произведения Гоголя и его личную жизненную судьбу «самой потрясающей из мировых трагедий»²⁶.

Бердяев в своих оценках Гоголя повторял Розанова. Но оба они к 1918 году, осмысливая совершившийся катаклизм, признали, что Гоголь оказался прав: он сказал жуткую, но истину о России²⁷; русская духовность оказалась нежизнеспособной и гнилой, как и вся российская действительность.

Из этого как будто следовало, что Гоголь не создал атмосферу российской тоски и безысходности, он ее *угадал*. Но такова уж взаимозависимость гения и реальности: узнав и назвав эту реальность, предсказав и ее судьбу, он не нашел сил, способных изменить ее. Диагноз оказался тем, что не способствует исцелению, а усиливает болезнь. Русская революция стала «великой проявительницей», то есть сделала явным то, что таилось в глубине русского духа. Она обрушила формы, которые до поры сдерживали это явление, держа его в рамках принуждения. Когда рамки распались, бесы бесчестья, лжи, пошлости, обмана, увиденные и ярко описанные Гоголем, вырвались на волю и завладели жизнью во всех ее формах²⁸.

В этой почве зародились и набрали силу феномены русского бунта, получившего моралистическую санкцию. Он больше не был «бессмысленным и беспощадным». Он стал именоваться революцией. В нем стали видеть пусть жестокую, кровавую, но освобождающую «бурю», сокрушающую старый порядок жизни ради торжества справедливости и свободы. Это изменение отношения к революционному насилию заметил и распознал в нем проявление «бесовства» Достоевский, которого Бердяев назвал «пророком русской революции». Автор «Бесов» увидел в русской революционности метафизический и религиозный феномен, воплотивший в себе апокалиптизм и нигилизм по отношению к судьбе России и всего человечества, отрицание Бога и бессмертия души.

Метафизика нигилистического бунтарства – в том, что на место религиозной веры в божественный миропорядок ставится «морализм»: человеку вменяется исправить замысел Божий о человеке и мире. «Бесконечные декламации о страданиях народа, о зле государства и культуры, основанных на этих страданиях, вытекали из этого богоборческого источника»²⁹. От этих декламаций – путь к революционному насилию, якобы ведущему в царство равенства, свободы и блаженства на земле.

Можно увидеть парадокс в том, что *богоборческий* революционный социализм приобрел религиозные черты и стал *квазирелигией*. Бердяев называет ее «религи-

²⁶ Шестов Л. На весах Иова // он же. Сочинения в 2-х тт. М., 1993. Т. 2. С. 51.

²⁷ «Прав этот бес Гоголь» (Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени // он же. О себе и жизни своей. С. 578).

²⁸ «Революция нам показала и душу русских мужиков, «дядю Митяя и дядю Миняя», и пахнущего Петрушку, и догадливого Селивана. Вообще – только Революция, и – впервые революция оправдала Гоголя» (Розанов В.В. Гоголь и Петрарка // он же. О писательстве и писателях. С. 658).

²⁹ Бердяев. Духи русской революции. С. 265.

ей рабов необходимости, детей праха»³⁰, которую «бесы» русской революции навязывают обитателям человеческого муравейника. В ней – подмена христианства ложью антихриста: «инфернальная страсть к всемирному уравниванию»³¹ как дьявольский соблазн, за которым угадывается притязание тиранического меньшинства на абсолютную власть. «Достоевский был более проницателен, чем признанные учителя русской интеллигенции, он знал, что русский революционизм, русский социализм в час своего торжества должен кончиться этими шигалевскими выкриками»³².

Но и Достоевскому, замечает Бердяев, не удалось понять, что «революционное беснование есть лишь обратная сторона беснования реакционного (выделено автором. – В.П.), что в реакционности нашей сказался тот же тяжкий недуг, что и в революционности. Стихия революции обнаруживает крайние пределы, стихия реакции лишь укрепляет эти крайние пределы»³³. Революция – индикатор банкротства и власти, и радикального революционизма интеллигенции. Обе эти силы столкнулись в разрушительном для России конфликте. И этот конфликт неразрешим, пока из народной души не будут изгнаны бесы революции и бесы реакции.

Это было суровое пророчество. «Правда, сказанная им о России, не есть слащавая и розовая правда народолюбия и народопоклонства, это – правда трагическая, правда об антихристовых соблазнах народа апокалиптического по своему духу»³⁴.

Заметим, что об «апокалипсисе», несомном революционным взрывом, Мережковский (за 12 лет до статьи Бердяева) судил иначе³⁵. Революционная «бесовщина» способна разрушить основания русской государственной жизни – пресловутые «самодержавие», «православие» и «народность». Но это еще лишь зарница наступающей мировой эпохи. «Предельная и окончательная» революция еще впереди. Она разрушит и ниспровергнет не только прогнившую в реальных основаниях государственность России, но «всякое государство в его последних, метафизических основаниях». «За государственностью есть иная высшая и опять-таки не менее, а более реальная общественность теократическая. И выйти из истории, из государственности еще не значит погибнуть, перейти в ничтожество, а может быть, значит перейти из одного бытия в другое, из низшего измерения в высшее, из плоскости исторической в глубину апокалиптическую. Мы и надеемся, что русская революция, сделавшись религиозной, будет началом этого выхода»³⁶.

³⁰ Там же. С. 267.

³¹ Там же. С. 271.

³² Там же. С. 274.

³³ Он же. Духовный кризис интеллигенции.... С. 89.

³⁴ Он же. Духи русской революции. С. 277.

³⁵ Мережковский Д.С. Пророк русской революции: к юбилею Достоевского // он же. Не мир, но меч. Харьков, М., 2000. С. 439.

³⁶ Там же. С. 473, 481-482.

В 1918 году подобные надежды уже никак не вязались с реальностью: рассуждения о высших и низших измерениях бытия и «апокалиптической глубине» с их анархической подоплекой на фоне непосредственно ощущаемой катастрофы³⁷ могли вызвать только саркастическую гримасу.

Что до Л.Н. Толстого, то, по Бердяеву, русская революция впитала в себя его моральные оценки русской действительности и вдохновилась ими. Моральное учение Толстого, заявляет Бердяев, антиобщественно и сугубо индивидуалистично, но его индивидуализм не основан на признании самоценности человеческой личности. «Не знающая границ моралистическая претензия Толстого все делает призрачным, она отдает под подозрение и низвергает реальность истории, реальность церкви, реальность государства, реальность национальности, реальность личности и реальность всех сверхличных ценностей, реальность всей духовной жизни»³⁸. В соответствии с толстовской проповедью абсолютного подчинения индивидуальной жизни «роевой», «коллективной» целесообразности, русская революция «хотела бы вырвать каждого человека из мирового и исторического целого, к которому он органически принадлежит, превратить его в атом для того, чтобы повергнуть его немедленно в безличный коллектив»³⁹.

Бердяев обвиняет Толстого – ни много, ни мало – в «разгроме русской культуры», в том, что тот «отравил русского человека моральной рефлексией, которая сделала его бессильным и неспособным к историческому и культурному действию»⁴⁰. «Это Толстой сделал нравственно невозможным существование Великой России»⁴¹. «Вся ложь и призрачность толстовства с неотвратимой диалектикой развернулась в русской революции... Преодоление толстовства есть духовное оздоровление России, ее возвращение от смерти к жизни, к возможности творчества, возможности исполнения своей миссии в мире»⁴².

Это уже не безобидные дерзости Л. Шестова, упрекавшего великого писателя в том, что он загнал человека под пресс абстрактного Добра, из-под которого не смеет и выглянуть живая, борющаяся с миром и самой собой душа. Толстой в этой статье Бердяева – фигура зловещая, идейный вдохновитель нигилизма, «подрывной элемент», разрушающий основы государственности, национальной идентичности, истребитель благодатного совершенства и враг христианства. С такой яростью на Толстого, кажется, еще не нападали никто из либеральных интеллектуалов, и эту атаку можно отчасти объяснить отчаянием, в какое еще не-

³⁷ «После всего, что произошло в России за последние 32 года (1917-1949), нужно быть совсем слепым или неправдивым, чтобы отрицать *катастрофический характер* происходящего. Революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение...» (Ильин И.А. Русская революция была катастрофой // он же. Наши задачи: статьи 1948-1954 гг. Париж, 1956. Т. 1. С. 101).

³⁸ Бердяев. Духи русской революции. С. 279.

³⁹ Там же. С. 281.

⁴⁰ Там же. С. 283.

⁴¹ Там же. С. 284.

⁴² Там же. С. 285.

давний Октябрь поверг «апостола свободы». Лишь в этом контексте можно понять его безудержные инвективы.

Примечательно, что оценки «онтологического анархиста» и «рыцаря свободы» так близко подходят к раздраженной реплике *монархиста* и *государственника* Генерала из статьи С.Н. Булгакова «На пиру богов»: «Уж Толстого-то вы лучше не поминайте. Если был в России роковой для нее человек, который огромное свое дарование посвятил делу разрушения России, так этот старый нигилист, духовный предтеча большевиков нынешних. Вот кто у нас интернационал-то насаждал»⁴³. В поиске виновных в катастрофе Бердяев и Генерал вторят друг другу. И вот уже «циничный реалист» Дипломат из той же статьи выгораживает Толстого, в котором «русская совесть жила» и не позволяла ему «мирволить» милитаристским иллюзиям или сочинять «мессианизмы» для народа, зато уличает «рокового для России человека» – Достоевского, придумавшего сказку о русском народе-богоносце, у которого, как выяснила революция, «ничего нет святого, кроме брюха»⁴⁴.

Итак, заключает Бердяев, народ России поддался соблазнам бесов, потерпел духовную катастрофу, кульминацией каковой и стал октябрьский переворот. Но нельзя впасть в смертный грех отчаяния. Даже если большинство народа утратило силу духа, все еще есть надежда на устоявшее перед соблазном меньшинство, хранящее верность «положительной и творческой идее народа». Поэтому Бердяев заканчивает, как теперь говорят, на «оптимистической ноте»: благодаря этому меньшинству, все же наступит когда-нибудь покаяние и возрождение России.

В чем суть «положительной и творческой идеи» русского народа, о которой говорит Бердяев? Прежде всего, это идея религиозная. «Русский народ – религиозный по своему типу и по своей душевной структуре»⁴⁵. Это лейтмотив философского творчества Бердяева, звучавший до конца его жизни. Но какова эта «религиозность»? Как отделить подлинно народную религиозность от квазирелигиозности радикального революционизма и не менее радикального реакционного охранительства?

Тайна русского духа, писал Бердяев в *Душе России*, заключается в том, что он «устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем: к абсолютной свободе и к абсолютной любви. Но в природно-историческом процессе царит относительное и среднее. И потому русская жажда абсолютной свободы на практике слишком часто приводит к рабству в относительном и среднем и русская жажда абсолютной любви – к вражде и ненависти»⁴⁶. Рационально объяснить это присущее русскому народу устремление к абсолютам Бердяев не мог, да он и не стремился к этому, предпочитая оставаться на почве мистических про-

⁴³ Булгаков С.Н. На пиру богов: Pro и Contra. Современные диалоги // Из глубины. С. 315.

⁴⁴ Там же. С. 315.

⁴⁵ Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Русская идея: в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. 2. М., 1994. С. 283.

⁴⁶ Он же. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М., 2007. С. 19.

зрений. В основе его рассуждений о судьбе России – «эсхатология свободы»: царство свободы ожидает человечество «по ту сторону» объективированного бытия, а значит, «по ту сторону» истории. Судьба России в том, что она всем своим существом устремлена к этому царству, и в то же время пытается осуществить, установить его в своей «посюсторонней» истории. Этого сделать нельзя, если отвернуться от подлинного смысла христового учения. И Бердяев всеми силами пытается внушить эту мысль участникам трагедии: «мы знаем лишь один путь излечения, путь этот – Христос, внутренне самоотречение во имя Его, внутренний к Нему поворот»⁴⁷. Свернуть с этого пути – значит идти к разложению и гибели России.

Но почему именно у России такая судьба и миссия – вернуть истинный смысл христианству, а с тем и всей человеческой истории?

Если Россия не могла исполнить ее в своем стремительно уходящем в историю прошлом, и это – причина ее трагедии в настоящем и будущем, то должно бы произойти что-то совершенно необычайное и необходимое, чтобы истинный путь был открыт для движения по нему. И это должно стать практическим делом, а не философской мечтой. Кому же выпадет совершить его?

Народная масса нуждается в проводниках. Кто сможет указать ей верный путь и возглавить движение? Ни власть, ни ее ревностные апологеты, ни радикальная интеллигенция, впавшая в бесовство, ни церковники, променявшие свое призвание духовных пастырей на покровительство «власть имущих» и изменившие духу христового учения – на эту роль не годятся. Для этого нужны «рыцари духа», ставящие свободу выше бытия, а значит, выше собственной и чужой жизни.

Откуда им взяться? Кто откликнется на призыв «апостола свободы»? Приходится полагаться на пресловутое «здоровое меньшинство», в сознании которого страсть к свободному творчеству соединится с пониманием истинного смысла христианства. Но прежде всего им придется обзавестись иммунитетом от соблазна власти. А соблазн слишком силен. Как без власти повести за собой большинство? Речами и призывами не обойтись. Ведь это же то самое большинство, которое, как утверждал Бердяев, утратило позыв к *внутренней* свободе, но сохранило тягу к свободе внешней, к обманке справедливого распределения материальных благ, сулимой «бесами революции». Способна ли проповедь «внутренней свободы» вернуть утраченное? А если для этого нужна власть, как удержаться от утраты свободы самих «рыцарей»? Ведь свобода должна быть благодатной, но не корыстной. Пусть даже эта корысть в том, чтобы ускорить преобразование человеческой природы, без которого нет и движения к свободе. Не получится ли так, что шествие по пути к свободе станет похожим на маршевую колонну под командой пресловутых рыцарей? И не проникнут ли в командный состав проходимцы типа Петра Верховенского, выученные по конспектам Шигалева?

⁴⁷ Он же. Духовный кризис интеллигенции. С. 94.

Бердяев, конечно, понимал каверзы, скрытые в его идее духовного водительства «рыцарей свободы». Ему все же казалось, что можно снять проклятые вопросы если не теоретически, то самоотверженной жизненной практикой. Уже в конце жизни он скажет: «В моей борьбе за свободу было что-то яростное. Но я не выносил и жестокой свободы, превратившейся в волю к могуществу». Свобода – без жалости, но и без жестокости. Сначала надо возвыситься до свободы, потом можно снизойти к «оставшимся внизу», к духовно слабым, «чтобы помочь братьям своим, поделиться с ними духовными богатствами и ценностями, помочь их восхождению... Свобода не должна стать снятием ответственности за ближних»⁴⁸.

Сознавал он это или нет, но его рассуждения о «рыцарстве свободы» напоминают план Великого Инквизитора (одного из вдохновителей «русского бесовства», рожденного фантазией Ивана Карамазова). «Пособник дьявола» (по выражению Бердяева) разделяет человечество на «стадо» и «пастырей», взявших на себя тяжесть свободы. Но и для «рыцарей» большинство народа – то же стадо, которое они пытаются возвысить до себя, до ранга совладельцев духовных богатств, «братьев во свободе». Различие, конечно, есть: инквизиторы – с Антихристом, рыцари – с Христом; первые соблазняют «младенческим» неведением зла и сытными хлебами, вторые обещают счастливые страдания свободного творчества, возвышающего человека до образа и подобия Божия. За кем, скорее всего, пойдет большинство? Ответ как будто очевиден, а опыт революции делает его неоспоримым.

А если так, то величие России после катастрофы утрачено навсегда. Или же его следует искать на других путях. На тех, о которых булгаковский Генерал говорил с солдатской прямоотой: «"Правовой строй" да "правовое государство" – на эту удочку народ наш не подцепишь. Ему нужна личная, конкретная государственность, связанная с его душой. Вот когда освободится эта душа от революционного дурмана, тогда она изнутри, актом творчества всенародного возродит и утраченную власть, тогда восстановится сама собой и Россия»⁴⁹. Опыт коммунистической диктатуры вскоре показал, что в словах Генерала больше реализма, чем в выпретенных мечтаниях Бердяева. Но тот же опыт показал, что государственная пирамида, на постройку которой ушли миллионы жизней, однажды рушится (с той же скоростью, с какой в феврале 1917 г. рухнула царская Россия), когда у пастырей-инквизиторов не хватает хлебов, чтобы удерживать в повиновении человеческое стадо.

Бердяев, однако, не позволял себе усомниться в том, что будущее за революцией духа, которой, в конечном счете, не смогут помешать ни революционный максимализм интеллигенции, ни заблудившееся в апокалиптических дебрях сознание масс. Все это останется в истории, но подготовит выход из нее. «В исто-

⁴⁸ Он же. Самопознание: опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 69-70.

⁴⁹ Булгаков. На пиру богов. С. 314.

рии все не удастся, и вместе с тем история имеет смысл. Но смысл истории лежит за ее пределами и предполагает ее конец. История имеет смысл потому, что она кончится. История, не имеющая конца, была бы бессмысленной. Бесконечный прогресс бессмыслен. Поэтому настоящая философия истории есть философия истории эсхатологическая, есть понимание исторического процесса в свете конца»⁵⁰.

Эсхатологизм Бердяева противостоит апокалиптизму, внедряемому в сознание масс «бесами». Он предрекает неизбежный прорыв из мира «объективации», в котором нет места для личности, навстречу вселенскому царству безграничной творческой свободы.

Возникновение этого царства («новой земли и нового неба») не может быть результатом одних только человеческих усилий. Здесь не обойтись без Бога. Но и божественное вмешательство способно приблизить великую цель только в «сотрудничестве» с человеком. Путь к свободе – «богочеловеческое дело». Вера в это сотрудничество и составляет, по Бердяеву, суть и сердцевину обновленного христианства, очищенного от «бесовских» соблазнов.

Получалось так, что именно «рыцарям», вдохновителям и вершителям подлинной революции духа, выпадает на долю быть «прорабами» этого сотрудничества, то есть созидателями новой веры. Им необходимо сделать эту веру массовой, то есть повести массы за собой по пути духовного обновления. Этот путь пролегает через пространство культуры.

Культура – переходный этап от «мира объективации» к «миру свободы». На этом этапе свобода «прорастает» в человеческом духе, преодолевая сопротивление действительности, в которой у нее, свободы, нет уготовленного места. Культура – порождение «мира объективации», и, как таковая, она конечна. Но в ней должна вырваться бесконечность духа, устремленного в «царство свободы». Нельзя выйти к свободе, минуя культуру. Поэтому первым делом «рыцарей» является преобразование культуры, наполнение ее «сотрудничеством» с Богом, «окультуривание» человеческого бытия.

От «рыцарей-прорабов» требуется незаурядное мужество и аскетизм. Прежде всего, им следует непрерывными усилиями поддерживать в самих себе «огонь свободы», а это трудная работа еще и потому, что ее должно совершать у всех на виду, не давая никому усомниться в своей страсти, усмотреть за нею внутреннюю пустоту, темные уголки души, не освещенные этим огнем. Но еще важнее, что они должны нести свой огонь людям, буквально вынуждая их жить под его светом. Свет свободы вырывает из тьмы «объективированной действительности»

⁵⁰ Бердяев. Самопознание. С. 305.

все преграды, делает явными скрытые силы тьмы, пытающиеся подчинить себе мир культуры, извратить его, опустить до своего обиталища, сделать смешными и ненужными ценности культуры, заменить их подделками, унижить веру в культуру, заменив ее бездуховным наслаждением и вседозволенностью, уравнивающей гений и скотство. Это путь постоянной борьбы за людей, отвоевания их у вселенской бесовщины, развития их духовного потенциала.

Но, пожалуй, главная трудность этой борьбы в другом. Люди, ради которых она вроде бы совершается, чувствуют, что «рыцари» и «аристократы духа» «нисходят» к ним со смешанными чувствами – презрения, брезгливости и натужного уважения, надуманной любви. Отсюда недоверие, отчуждение, подозрительность, а то и ненависть, с какими встречаются проповедники «свободы духа». В ситуациях, когда дело идет о реальных проблемах, требующих социально-политических действий, их проповеди отдают пустословием и обманом.

Бердяевская мысль как бы невольно пародирует слова Искупителя: «Царствие мое не от мира сего». Все дело в том, что реальность и есть «мир объективации», о разрыве с которым мечтает Бердяев. «Революция духа» невозможна в границах этого мира. Чтобы стать свободным, мир должен быть иным. Иным – в высшей реальности.

Это означает, что радикальные перемены политического и экономического строя, а также изменения моральных ориентиров, соответствующие этим переменам, несмотря на неисчислимые жертвы, не могут привести к последней и высшей цели. Невозможно освободить тех, кто не свободен внутри себя. «Мы получаем две различные формы реальной человеческой жизни и социальной реальности в зависимости от того, настроен ли дух человека и человечества на подчинение обстоятельствам, на покорность по отношению к внушаемым идеям, идеалам и ценностям, или дух нацелен на их критическую проверку каждым носителем наиреальнейшего, потому что живого, духа, на свободу, активность и творчество»⁵¹.

«Рыцари свободы» живут как будто одновременно в двух этих реальностях, каждая из которых отрицает другую, но не имеет смысла без нее. Реальность свободы – за пределами длящейся истории. Но на всем, что происходит в этих пределах, лежит ее отсвет. Он виден только тем, кто понял свое призвание к свободе и свою «неотмирность»⁵².

При всей своей враждебности к октябрьскому перевороту Бердяев не видит возможности повернуть историю вспять, политически исправить ее ошибку.

⁵¹ Мотрошилова Н.В. Николай Бердяев и философия Запада // она же. Мыслители России и философия Запада: В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов. М., 2006. С. 291.

⁵² «Я никогда не чувствовал себя частью объективного мира и занимающим в нем какое-то место. Я переживал ядро моего "я" вне предстоящего мне объективного мира. Лишь на периферии я соприкасался с этим миром. Неукорененность в мире, который впоследствии, в результате философской мысли, я назвал объективированным, есть глубочайшая основа моего мироощущения... Я чувствовал себя существом, не произошедшим из "мира сего" и не приспособленным к "миру сему"» (Бердяев. Самопознание. С. 44, 45).

Происходящее трагично, но эта трагедия необходима для возмужания человеческого духа. Об этом Бердяев спустя пять лет прямо скажет в своих лекциях о смысле истории: «В истории нет по прямой линии совершающегося прогресса добра, прогресса совершенства, в силу которого грядущее поколение стоит выше поколения предшествующего; в истории нет и прогресса счастья человеческого – есть лишь трагическое, все большее и большее раскрытие внутренних начал бытия, раскрытие самых противоположных начал, как светлых, как темных, как божественных, так и дьявольских, как начал добра, так и начал зла. В раскрытии этих противоречий и в выявлении их и заключается величайший внутренний смысл исторической судьбы человечества. Если можно утверждать какой-нибудь прогресс в истории человеческого сознания, так это обострение сознания, которое является результатом внутреннего раскрытия этого трагического противоречия человеческого бытия»⁵³.

Тем же, кто желал бы что-то осязаемое сделать для исправления ошибки истории, вытащить Россию из пропасти, какой представлялась перспектива ее коммунистического развития, надо уповать на милость Божию и спасительную силу Богородицы, на чем сходятся почти все персонажи упомянутой статьи Булгакова.⁵⁴

Сто лет спустя оценки Бердяева сохраняют актуальный проблемный смысл. Главная проблема – существует ли то, что Бердяев (и не только он) называл «национальным духом», или это слово, некогда так много значившее для русского интеллигента, теперь стало «оболочкой», из которой ушло содержание? Сегодня говорят, что «национальный дух», подобно другим общим понятиям, характеризующим человеческое бытие, как в индивидуальной, так и в социальной его формах, это ставший уже едва различимым след классической парадигмы человека, в которой «имманентные слова» подбирались к вещам, чувствам и переживаниям – как банальным, так и несказанным; теперь же «тон задают уже не чувства и переживания, а слова, к которым, после того как они были сказаны, приходится подбирать чувства и переживания. Именно: не словам приличествует уже равняться на мысли и чувства, демонстрируя свою ущербность и беспомощность в их выражении, а мыслям и чувствам положено подлаживаться к словам и не выходить за пределы *сказанного*»⁵⁵. Это положение вещей К. Свасьян называет «терроризмом дискурса»⁵⁶, подчиняющим себе все личностное в человеке и

⁵³ Он же. Смысл истории. М., 1990. С. 150.

⁵⁴ Булгаков. На пиру богов. С. 352-353.

⁵⁵ Свасьян К.А. Дискурс, террор и еврейство // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 61.

⁵⁶ Там же. С. 56.

превращающим последнего в «аббревиатурный и дистанционно управляемый знак, включенный в некое множество гибких и контролируемых порядков (программ)»⁵⁷.

Если так, то существование того, что называется словами «национальный дух», зависит от той или иной формы «лингвистического террора»; быть или не быть «национальному духу» – это решается даже не научным, а всего лишь пропагандистским дискурсом, использующим в своих целях все возможное многообразие современных технологий. Mass media, а не реальность (которую предсудительно именуют «непостижимой») формируют то, что раньше полагалось «народной душой», «высшими целями», «предназначением», «миссией».

К слову, это относится и к религии. Одни считают, что она в нашей стране переживает свое «возрождение» (почти столь же стремительное, как сто лет назад народ-богоносец «стал народом-нигилистом, кощунственно попирающим все свои святыни»⁵⁸). Другие же, напротив, скептически замечают, что она стала набором формальных ритуалов, предназначенным для того, чтобы отделять «своих» от «чужих», т.е. суррогатом национальной самоидентификации. В таком случае, религиозная трактовка «национального духа» точно так же зависит от интенсивности и широты распространения определенного рода пропаганды, как и прочие, в том числе даже антирелигиозные предикации. «Терроризм дискурса», если признать его важнейшей чертой современности, хорошо организован и обнаруживает свое превосходство над остатками сопротивления, еще оказываемое сознанием, когда в последнем оживает воспоминание о том, как оно было еще человеческим (т.е. до «смерти человека», провозглашенной постструктурализмом). Это побуждает считать, что эта черта прорисована в современности руками тех, кто способен и заинтересован в том, чтобы направлять, организовывать и финансировать деятельность mass media и соответственно, формировать общественное сознание по лекалам политических игроков, ведущих борьбу за власть.

Если так, то существуют ли и сегодня «духи русской революции», в какой бы цвет – красный, оранжевый, коричневый или черный – она ни была окрашена? Во всяком случае, вряд ли кто-либо сегодня заподозрит, что они порождаются или открываются художественной литературой. Ее влияние на формирование «национального духа» (или того, что этими словами называют сегодня) неизмеримо мало, по сравнению с тем, каким оно было сто и более лет назад. Литература во все большей мере возвращает себе функцию развлечения публики: от подсовывания занимательных картинок действительности до фантазмагорий, которыми безопасно тешится утомленное скучными буднями воображение.

Но если не в художественной литературе, то где, в какой среде зарождаются эти воображаемые или реальные духи, а если оставить выпренность, – импульсы разрушения существующих систем ценностей через насильственное измене-

⁵⁷ Там же. С. 61.

⁵⁸ Франк С.Л. De profundis // Из глубины. С. 496.

ние политического и экономического строя? Можно ли и сегодня назвать этих духов «бесами», пусть в метафорическом, но непременно в отрицательном смысле? Бесы – разрушители святынь, хитрые и жестокие имитаторы высоких целей и идей, преследующие своекорыстные цели. С какими же святынями они вступают в борьбу сегодня, если правы те, кто утверждает, будто никаких святынь и вовсе нет, а есть только идейные конструкции, сооружаемые пропагандистами?

В.Б. Пастухов пишет: «Все самые грандиозные русские революции были на самом деле культурными революциями. То место, которое в европейской истории занимают социальные конфликты, в русской истории отведено столкновению культур, войне "менталитетов". Именно поэтому русские революции, как правило, происходят неожиданно для стороннего наблюдателя – им не предшествуют ни ужасающий голод, ни всеобщая разруха. Все это, напротив, появляется уже после революции. В основе русских революций лежат оскорбленное достоинство, нетерпимость и ненависть различных культурных классов друг к другу. Революционный энтузиазм в России не только не сопряжен напрямую с экономическими интересами, но зачастую и прямо противоречит им. Революции в России делаются в пользу «третьих лиц». Революцией профессионально занимаются не те, кому плохо, а те, кому хорошо, но кто приходит к убеждению, что дальше так жить нельзя»⁵⁹.

Если так, то «духи революции» в современной России – это носители культурной нетерпимости, перерастающей при известных обстоятельствах в ненависть, которая может надевать на себя разные идеологические, политические и экономические маски, выступать под разными знаменами и лозунгами (в том числе националистическими или религиозными). Это перекликается с тем, о чем говорил Бердяев: в основе революционизма лежит кризис «национального духа». Но суть различия в том, что для Бердяева кризис – это разрушение целостной, хотя бы и подточенной «бесами», духовности, тогда как в словах Пастухова сквозит неприятие идеи изначальной синкретичности национального сознания, вся история которого и есть чередование кризисов, перманентная борьба менталитетов, культурных идей. Революции – это только крайние точки, пики борьбы. Важно, что в этих точках схватываются между собой не какие-то «культурные универсалии», претендующие на глобальность и даже вечность, а их «симулякры», осколки смыслов, застрявшие в сознании ожесточенных и напичканных пропагандой масс.

«Веховцы», как правило, заканчивали свои статьи надеждой на то, что кризис или даже катастрофа – это временные поражения «русского духа», которые рано или поздно сменятся возрождением и победами. С.Л. Франк писал: «Осуществление [...] идеала духовного единства и органического духовного творчества народа, идеала религиозной осмысленности и национально-исторической обос-

⁵⁹ Пастухов В.Б. Поколение 12 года // Новая газета. 3 октября 2012.

нованности общественной и политической культуры, конечно, предполагает какой-то нравственный сдвиг с мертвой точки, отказ от давнишних болезненных привычек и навязчивых идей расстроенной народной души в пользу здоровых и необходимых навыков нормальной жизни, открытие некой забытой правды – очевидной и простой, как всякая правда, и вместе богатой сложными и действительно-плодотворными выводами. Если наша общественная мысль, наша нравственная воля в состоянии осмыслить все совершившееся, если Божья кара поразила нас не для того, чтобы погубить, а для того чтобы исправить, то в нашем церковно-религиозном и национально-государственном сознании необходимо должно созреть это оздоравливающее умонастроение. Тогда с пути хаоса, смерти и разрушения мы сдвинемся на путь творчества положительного развития и самоутверждения жизни»⁶⁰.

Сегодня под вопросом почти все опорные моменты этих ободряющих предположений. Идеалы, духовное единство, национально-государственное сознание, религиозная осмысленность культуры – эти и другие слова часто употребляются как служебные термины, характеризующие ушедшие в прошлое состояния философской, политологической и культурологической рефлексии, а ныне имеющие относительный и часто иронический смысл. И, повторим снова, этот смысл навязывается сознанию современной технологией манипуляции, гигантскими машинами пропаганды, прилично замаскированными под каналы свободно распространяемой информации.

Сохранится ли это соотношение смыслов в будущем? Иногда говорят, что для «редевальвации» ценностей, на которые уповали авторы сборника *Из глубины*, России придется пройти через «очистительный огонь» новых революционных потрясений. Это страшное предположение – из ряда тех, которые лучше не высказывать, чтобы не пробудить «бесов». Во всяком случае, тем, кто в России все еще считает себя интеллигентами, следует пытаться найти иной, не катастрофический путь.

⁶⁰ Франк. De profundis. С. 498-499.